

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ

Статья И. С. Правдиной

Глубина и неповторимое обаяние лирики Блока во многом связаны с ее особым, исповедническим характером, с тем, что Горький назвал «бесстрашной искренностью»¹. «Блок — самая большая тема Блока», — писал Ю. Тынянов². Воплощение своего пути, раздумья о сложном и трудно поддающемся определению процессе духовного развития составляют стержень блоковской поэзии. Специфическое, обостренное чувство пути, отличающее Блока от многих его современников и предшественников, диктовало поэту «неумолимую логику» его книг (II, 373)³. Сам Блок неоднократно — в письмах, дневниках, предисловиях к своим сборникам — повторял, что структура его книг — это последовательность его внутренней жизни. «Так разворачивается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропой проходит душа» (II, 373). Широко известны слова Блока о «трилогии воочеловечения» (VIII, 344), которыми он определил основную устремленность своего движения, своих мучительных поисков связи «личного» и «мирового» в эпоху надвигающихся социальных катаклизмов. Каждый том трехтомного собрания — определенный этап этих поисков, а лирические циклы — главы, составляющие том, — «страны души» (II, 369); они обычно существуют и дополняются во времени, поясняя друг друга. Создавая свои тома, Блок мыслит циклами (блоковская трилогия насчитывает 18 лирических циклов), создавая трилогию, — томами.

И в многочисленных журнальных публикациях Блок, как правило, предпочитает циклы, объединяя общим заглавием несколько внутренне связанных стихотворений, — это далеко не всегда совпадает с расположением этих стихов в циклах сборников или трехтомника.

Характерно, что некоторые современники возражали против этой выстроенности. Н. Горелов писал В. Брюсову в 1913 г.: «Разве, когда я изливаю мое чувство, я думаю о том, как его озаглавить, стихотворение — и все, а тот же Блок свое „мистическое чувство“ разделил на книги, главы, §§ и отделы!»⁴. А для Блока — это стремление преодолеть лирическую «уединенность», упорядочить лирический «хаос», объективировать субъективное. В таком построении сказалось тяготение к монументальности лирики и одновременно к углублению психологизма, к детализации душевного состояния, к воспроизведению тончайших оттенков мысли, чувства, переживания в их непрекращающемся движении. Масштабы одного стихотворения оказывались слишком узкими и ограниченными, нужна была другая единица измерения. Ею и становился сначала цикл (глава, раздел) — некое синтетическое целое, в котором каждое стихотворение и самостоятельно и не самостоятельно в одно и то же время, и далее — том — совокупность циклов⁵. «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью <...> Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно», — Блок сочувственно цитирует эти строки Брюсова из предисловия к «Urbi et orbi» и видит главную заслугу книги Брюсова в осуществлении этого принципа (1904, V, 540—541). «Задача всякого сборника стихов состоит, между прочим, в группировке их, которая должна наметить основные исходные точки; от каждой из них уже идет пучок стихов, пусть многообразных, но с им одним присущим, в них преобладающим ароматом. Так создаются *отделы*» — это суждение Блока (1905) как бы дополняет предыдущее (V, 552).

И еще одно высказывание на эту же тему (в рецензии на книгу стихов С. Городецкого «Русь», 1909 г.): «Книга <...> лишена цельности. В ней нет упорства поэтической воли, того музыкального единства, которое оправдывает <...> лирическую мысль; нет и упорства работы, которое заставляет низать кольцо за кольцом в целую цепь» (V, 649—650).

И Блок неустанно добивался «музыкального единства»: трижды переиздавая трехтомник (принцип трехчленного деления оставался неизменным), он менял состав томов, расположение циклов, добавляя отдельные стихи или целые циклы-главы или внося сокращения.

Он придавал первостепенное значение построению своих книг, всегда самостоятельно осуществляя весь процесс подготовительной работы к новым изданиям.

«Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать [...] Все это не имеет ничего общего с „полным собранием сочинений“. Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться», — пишет Блок в 1916 г. (VIII, 456—457).

Каждая новая редакция — это определенная стадия осмысления Блоком своего пути, и исследование истории формирования томов и циклов — необходимое звено в изучении творческого развития поэта. В обобщающих работах современных исследователей этот вопрос затрагивается в самом общем плане⁶. Интересующего нас вопроса касаются и немногочисленные работы, посвященные изданиям книг Блока⁷.

История формирования отдельных циклов и томов нуждается в более пристальном и детальном рассмотрении, без этого невозможно в полном объеме представить творческую эволюцию поэта, невозможно и до конца понять специфику его лирики во всей ее многогранности и глубокой внутренней целостности. Особенно существенным является исследование различных этапов создания третьего тома — вершинного и итогового в лирическом творчестве Блока.

1

К работе над первым собранием своих стихотворений Блок приступил в ноябре 1910 г. и уже 19 декабря писал издателю, что выработал «совершенно определенный план», что он отказывается от «собрания сочинений», а предпочитает «собрание стихотворений в трех книгах»⁸.

Необходимо отметить, что Блок свои поэтические сборники всегда воспринимал в их внутренней связи: книга, вышедшая после «Стихов о Прекрасной Даме» (М., «Гриф», 1904), — «Нечаянная радость» (М., «Скорпион», 1907) — имела подзаголовок «второй сборник стихов»; «Земля в снегу» (М., «Золотое руно», 1908) — «третий сборник стихов», «Ночные часы» (М., «Мускет», 1911) — «четвертый сборник стихов». Эта преемственность подчеркивалась также и в предисловии к сборнику «Земля в снегу», где говорилось о том, что «„Стихи о Прекрасной Даме“ — ранняя утренняя заря — те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь» (II, 371), «„Нечаянная радость“ — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия» (II, 372), а «Земля в снегу» — следующий этап в «неизбежной драматической последовательности жизни» (II, 371), приводящий в конце концов к «изначальной родине, может быть, самой России» (II, 373, 374).

И все же трилогия не адекватна этим изданиям, — это другой, следующий этап осознания своего пути. «Я еще не настолько отошел от своих лирических стихов, чтобы забыть их, но, однако, настолько, что получил возможность и, как мне кажется, право отнестись к ним с большей объективностью», — эта запись сделана в июне 1911 г. (ЗК, 182). «Объективность» обусловлена тем, что в это время Блок ясно ощутил произошедшую в нем перемену: «Я думаю, что последняя тень „декадентства“ отошла» (VIII, 331), он почувствовал в себе «рождение человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру» (VIII, 344). Теперь он может на новом уровне воплотить свое «вочеловечение», создать «роман в стихах», где «каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии» (I, 559. Предисловие к «Собранию стихотворений», 1911 г.).

По-новому осмысливается теперь начало пути: первый том в издании 1911 г. включает втрое больше стихотворений, чем «Стихи о Прекрасной Даме», вышедшие в 1905 г. Изменилась и композиция: вместо трехчленного тематического деления («Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб») — строгая хронология. «Здесь главы определяются годами» (I, 559), даты являются заглавиями разделов, причем в примечаниях Блок подчеркивает значение IV главы («1901»). В следующем издании центральная часть первого тома («Стихи о Прекрасной Даме») будет начинаться с 1901 г. (все предыдущие стихи включаются во вводный раздел — «Ante lucem»). В 1901 г., в сущности, уже воплотилась вся гамма настроений первого тома: культ Прекрасной Дамы, ее неземного, недоступного бытия («Сегодня шла ты одиноко», «Она росла за дальними горами», «Я жду призыва, ищу ответа»), ожидание встречи («Ты горюшь над высокой горою»), первые сомнения в возможности соединения «земного» и «небесного», предчувствие «падения», отказа от «служения тайне» («Предчувствую Тебя. Года

проходят мимо», «Будет день — и свершится великое»), отсюда — начало мучительного раздвоения души («Двойнику») и в то же время — стремление к «простой», земной жизни, сознание ее красоты («Встану я в утро туманное»).

Блок указывал, что IV глава «впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободную романа» (I, 560). Это высказывание, первостепенное для исследования раннего творчества Блока, свидетельствует о том, что поэт, выстраивая для собрания первый том, смотрел на него как бы из будущего. При таком взгляде становилось значительным и то, что было ранее опущено, то, что в первом издании воспринималось бы только как вариант, точнее, повторение. Теперь же важны все оттенки, все тончайшие переходы от одного состояния к другому, многочисленные возвращения, — все это должно быть прослежено в логике «романа в стихах» (I, 559), т. е. явно выраженного процесса.

И первый том в издании 1905 г. по сравнению с 1911 г. кажется больше «результатом», чем «процессом», он является как бы конспективным, тезисным изложением следующего издания первого и отчасти второго томов.

Так же «из будущего» смотрит Блок и на второй том своего собрания. «Нечаянная радость» — переходная книга: еще не отзывались «Стихи о Прекрасной Даме», а уже основной отдел («Магическое») связан со «Снежной ночью» (II, 375). В предисловии к первой книге Блоку важно было подчеркнуть, чем она подготавливает вторую, в предисловии ко второй — выявить то, что связывает ее с третьей.

Второй том («Нечаянная радость», 1912) несколько перестроен по сравнению с одноименным сборником 1907 г., который составил основу тома. В сборнике — семь отделов, в томе — восемь: «Весеннее», «Детское», «Магическое», «Отравы», «Перстень-страдание», «1905», «Покорность», «Нечаянная радость». А раздел «Магическое», особенно отмеченный Блоком, существенно изменен по сравнению с одноименным разделом 1907 г.: из прежнего состава (23 стихотворения) оставлено всего 6, вновь включено 8 стихотворений. Главная тема обновленного цикла — «мистицизм в повседневности» городского бытия. Греховность, гибельность города часто таит в себе неотразимую привлекательность, демонские соблазны («Петр», «В высь изверженные дымы», «Вечность бросила в город», «Иду — и все мимолетно», «В кабаках, в переулках, в извивах» и др.). Здесь, «среди этой пошлости таинственной», происходит явление Незнакомки, павшей кометы, — в цикл стягиваются стихи «кометной» темы: рядом с «Незнакомкой» и ее вариантом («Там дамы шеголяют модами») — «Твое лицо бледней, чем было», «Шлейф, забрызганный звездами», «Там, в ночной завывающей стуже». Начинается тема стихийной страсти — «снежных вьюг», «бубна метели», «снегового сумрака». Так подготавливается «Снежная маска», которой сткрывается третий том (заглавие тома — «Снежная ночь»), и так постепенно в стихах, которые в дальнейшем составят цикл «Город», начинает вызревать тема «страшного мира» — одна из ведущих в третьем томе. Таким образом, цикл «Магическое», который Блок считал центральным, переформируется, переосмысливается в свете будущих этапов пути.

Характерно и то, что в «Нечаянной радости» 1912 г. «мистицизм в повседневности», «двоемирие» оказываются в большей степени, чем в 1907 г., связанными с реальными жизненными событиями. Один из новых циклов второго тома озаглавлен «1905», некоторые из стихов, его составляющих, не входили ранее в поэтические сборники («Барка жизни встала», «Сытые»), другие собраны из разных отделов «Нечаянной радости» 1907 г. («Шли на приступ», «Митинг», «Поднимались из тьмы погребов»). Заканчивается раздел поэмой «Ее прибытие», впервые напечатанной в целостном виде. В этой поэме сквозь традиционную мистическую символику проглядывают черты социальной утопии, читается мечта о всеобщем земном счастье, о «нечаянной радости» преобразования земной жизни. В примечании Блок указывал, что эта поэма характерна для книги и для того времени, как посвященная разным «несбывшимся надеждам» (II, 392). Характерны и слова из предисловия ко второму тому: «Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени» (II, 375). «Даты книги» — 1904—1906. Так Блок дает понять, что переход от «однострунности» первого тома, посвященного единому мистическому идеалу мировой гармонии, к многообразным поискам новых духовных ценностей во многом зависит от потрясений 1905 г. Об этом же говорится, например, и в письме к Брюсову от 17 октября 1906 г.: «Вероятно, революция дохнула в меня и что-то раздробила внутри души, так что разлетелись кругом неровные осколки, иногда, может быть, случайные» (VIII, 164).

Итак, переработка второго тома подчинена «романной» логике: детальное воспроизведение психологический процесс, соответственно в книге больше глав, явственнее ощутимы приметы исторического времени. — «Путь души» приобретает большую эпичность.

Третий, заключительный том («Снежная ночь»), сформированный на основе двух поэтических сборников: «Земля в снегу» (1908) и «Ночные часы» (1911), вышел из печати в марте 1912 г. и состоял из следующих разделов: Снежная маска (Снега, Маски), Вольные мысли, Заклятие огнем и мраком и пляской метелей, Песня судьбы, Страшный мир, Возмездие, Итальянские стихи, Арфы и скрипки, Родина. Первые четыре цикла соотносятся со сборником «Земля в снегу», остальные — с «Ночными часами». Прежде всего бросается в глаза изменение порядка циклов. В сборнике «Земля в снегу» (хронология его стихов 1906—1907) разделы были расположены следующим образом: Подруга светлая, Мещанское житье, Вольные мысли, Песня судьбы, Послания, Снежная маска. Книга завершалась стихией «метельных страстей» и гибелью «На снежном костре» (последнее стихотворение сборника). В «Снежную ночь» вошли в измененном виде не все разделы (отчасти это объясняется тем,

что хронология тома — 1907—1910 гг., поэтому более ранние стихи оказались во втором томе). Здесь построение обратное: от «субъективных», «вихревых» циклов (само их звучание несколько усилено: выделен специальный раздел «заклятий») — к угасанию страстей, прощанию с ними. Так, в цикле «Песня судьбы» соединены стихи из двух разделов сборника «Земля в снегу» («Послания» и «Песня судьбы»), в таком виде цикл явно приобретал интонацию прощания с пережитыми бурями. Это подчеркнуто и тем, что после стихотворения «Ты и я» («Всю жизнь ждала. Устала ждать»), заключающем раздел «Послания» в сборнике «Земля в снегу», в «Снежной ночи» поставлены еще два: «Я помню длительные муки» и «Своими горькими слезами» (это последние из стихотворений, посвященных Н. Н. Волоховой, с которой связаны все «снежные» циклы). И, наконец, заключение раздела «Песня судьбы» — стихотворение «Все это было, было, было» — как бы подведение итогов, финал, за которым открываются другие грани душевной жизни. Следующий цикл — «Страшный мир» — в таком контексте воспринимается прежде всего как выход в объективный мир, как стремление соотнести личную трагедию с трагизмом реальности.

Интересно в этой связи письмо Блока издателю Э. Метнеру, который, очевидно, считал, что центр всего третьего тома — максимальное напряжение стихийных страстей, «Заклятие»: «Не в „Заклятии“ все-таки центр книги. Если Вам она „откроется“ когда-нибудь еще раз, Вы найдете и другое — лучше (...) Но все это было (да, действительно — было), есть другое, будущее, даже в этой книге»⁹.

«Будущее» связано для поэта со второй половиной тома (в следующем издании трилогии вся первая половина будет перенесена во второй том). И опять необходимо отметить перестановку разделов в «Снежной ночи» по сравнению с «Ночными часами». В «Ночных часах» цикл «На родине» открывал книгу, затем — «Возмездие», «Опять на родине» (переводы из Г. Гейне), «Голоса скрипок», «Страшный мир», «Итальянские стихи», т. е. итог «страдного пути» — уход в мир искусства с его нетленной красотой и гармонией.

xxx
Любопытство напрасно глазело
Из щелей разбитых протекло:
Оно каверку потемнело,
Не ситишко ни вздохом, ни стоном.

Недовольные, святые люди!
Завидуйте верхнему счастью!
Вы — впаду — безвосточная судьба,
Без желаний, без слез, без страсти!

Мы прошли желанья и слезы,
Наши страсти открыли тайны...
И мы с высоты, словно грозь,
Опалим и вас — случайно...

Александр Блок.

13/12 1911.

СТИХОТВОРЕНИЕ БЛОКА «ЛЮБОПЫТСТВО НАПРАСНО ГЛАЗЕЛО...»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

«Ночные часы» готовились к печати в сентябре 1910 г., а «Снежная ночь» — в мае-июне 1911 г. Очевидно, «Ночные часы» отражают более ранний этап осмысления пути, как это отмечалось в исследовательской литературе¹⁰. А композиция «Снежной ночи» подчинена принципу, сформулированному Блоком в предисловии к книге: «Я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи, — свет последних закатов, и ее медленную убыль — первые сумерки утра» (III, 433). И в «Снежной ночи» циклы расположены в таком порядке, что итог пути — приобщение к Родине, к ее «многодумной», «многотрудной» жизни («Страшный мир», «Возмездие», «Итальянские стихи», «Арфы и скрипки», «Родина»).

В работе над первым трехтомником главное для Блока — вычертить общее направление пути. Что же касается логики сцепления стихов внутри некоторых циклов, то она представляется менее обоснованной, чем в «Ночных часах» (одна из причин — расширение хронологических границ: в третий том включались стихи начиная с 1907 г., а в «Ночные часы» — только с 1908 г.)

Процесс формирования циклов протекает по-разному. Наиболее легко и последовательно складываются «Итальянские стихи», затем «Арфы и скрипки», а с основными циклами — «Страшным миром» и «Родиной» — дело обстоит гораздо сложнее.

Итальянские стихи в первом же варианте получают определенное направление. В «Ночных часах» — в цикле уже девять стихотворений, составляющих его основу («Равенна», «Успение», «Благовещение», «Умри, Флоренция, Иуда», «Слабеет жизни гул упорный», «Холодный ветер от лагуны» и др.).

Восхищение Блока высоким искусством, контраст между его вечной жизнью и мертвенностью современной европейской цивилизации, острое ощущение неумолимого течения времени, размышления о «повторяемости» жизни, о «прапамяти», возникающие у поэта в связи с осмыслением своего пути, — все это основывается на определенном и достаточно локальном материале итальянских впечатлений. Границы цикла, таким образом, очерчены с самого начала. Поэтому цикл в дальнейшем будет только пополняться от редакции к редакции. В самом расположении итальянских стихов Блока не связывает хронология — ведь все они датируются маем — августом 1909 г., — и в «Снежной ночи» их последовательность несколько изменена. Теперь цикл начат «Равенной» (в «Ночных часах» это было финальное стихотворение), а закончен «Успением». От этого весь раздел приобретает иную тональность, подчиняясь общей «рассветной» линии тома, этому способствуют также вновь включенные стихи — «Перуджия», «Сиенский собор» с их светлым, жизнеутверждающим началом.

Примерно так же, т. е. сравнительно последовательно, пополняясь от редакции к редакции, формируется и раздел «Арфы и скрипки». В «Ночных часах» он назван «Голоса скрипок», в 1912 г. название уточнено. Ключ к символу заглавия — статья «Памяти В. Ф. Комиссаржевской» (1910), где говорится о том, что «душа настоящего человека есть самый сложный и самый нежный и самый певучий музыкальный инструмент <...> Бывают скрипки расстроенные и скрипки настроенные. Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого; ее визгливый вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра <...> Художник — это тот <...> кто слушает мировой оркестр и вторит ему, не фальшивя» (V, 417, 418). Итак, исходный момент цикла — блоковская концепция музыки — основы мира, его внутренней сущности, «Арфы и скрипки» — это человек в соотношении с «мировым оркестром», человек, поставленный перед космосом, природой, страстью, смертью, временем. И уже с самого начала в разделе присутствуют стихи, сохраняющиеся во всех редакциях: «Голоса скрипок», «Свирель запела на мосту», «Уже померкла ясность взора», «Я не звал тебя — сама ты», «Все, что память сберечь мне старается» и др. В «Снежной ночи» нет больших отклонений по сравнению с «Ночными часами». В заглавии появляется образ арфы; в отличие от скрипок, которые могут быть «расстроенными» и «настроенными», «арфа» у Блока — всегда символ единства с музыкой мироздания. Начинает создаваться один из важнейших циклов внутри цикла — «Через двенадцать лет». В «Ночных часах» присутствовало только одно стихотворение — завязка темы, в «Снежной ночи» — уже пять стихотворений, объединенных общим заглавием. Финалом раздела в «Снежной ночи» становится впервые включенное стихотворение «На смерть В. Ф. Комиссаржевской», символика которого развивает образы заглавия раздела.

«Арфы и скрипки» так же, как и «Итальянские стихи», в контексте тома более самостоятельны, чем другие разделы, но в отличие от «Итальянских стихов» «Арфы и скрипки» не

имеют такой точной тематической границы. Раздел формируется широко и свободно; раздумья о сложности человеческой души и ее верности «духу музыки» (VI, 93) настолько всеобъемлющи, что сюда могут войти стихи самого широкого диапазона и раздел становится в последней редакции самым объемным в томе.

Что же касается цикла «Страшный мир», то в «Ночных часах» он производит явно более цельное впечатление, чем в «Снежной ночи»¹¹.

В самом понятии «страшный мир» для Блока соединяется мысль об «утрате части души» (VIII, 344), о трагедии человека, потерявшего всеобщие начала, погруженного в мир «индивидуальных» «цыганских» страстей («Страшный мир! Он для сердца тесен!» — III, 163), — и реальная действительность российского бытия после 1905 г. («Так. Буря этих лет прошла»). В «Ночных часах» уже формируется основа цикла — это стихотворения «Демоны» («Прижмись ко мне крепче и ближе»), «Из хрустального тумана», «На островах», «Дух прятный марта», «В ресторане», «Песнь Ада», «Идут часы, и дни, и годы». Здесь уже звучат главные мотивы «Страшного мира»: тоска по идеалу, подчинение страстям, невозможность противостоять их соблазну и как следствие этого — опустошение души, утрата нравственных критериев, сознание своей тяжкой вины, суд над собою. Но в «Снежной ночи» границы цикла оказываются как бы размытыми, четкость очертаний теряется: добавлено еще 11 стихотворений, которые, конечно, связаны с этим комплексом настроений, но в то же время могут найти в других разделах бесспорное место, наиболее полно раскрывающее их внутренний смысл. Из этих 11 стихотворений в окончательной редакции останется только одно («В эти желтые дни меж домами»). Включение этих новых стихов связано с тем, что, сохранив «зерно» цикла (9 стихотворений из «Ночных часов»), поэт ищет дальнейших путей его развития. Вероятно, одно из направлений этих поисков — стремление подчеркнуть «всеобщность» трагедии: рядом с «я» появляется «ты» («Сегодня ты на тройке звонкой»), «мы» («Усните блаженно, заморские гости, усните»), включаются стихи о повседневных трагедиях различных обитателей «страшного мира» («Девушке», «Не пришел на свидание», «На железной дороге»). В дальнейшем развитии цикла эта «всеобщность» будет подчеркнута другими средствами.

Раздел находится в процессе становления, то же можно сказать и о его прямом продолжении — «Возмездии». Здесь развивается одна из тем «Страшного мира»: возмездие за измену первой любви, идеалу юности. В «Снежную ночь» вошел весь состав «Возмездия» из «Ночных часов» и прибавились еще 6 стихотворений, из которых ни одно не останется в окончательном варианте.

«Страшный мир» и «Родина» противопоставлены и в то же время как бы взаимно уравновешивают друг друга. «Родина» — «приобщение к народной душе» (ЗК, 114) — постоянный «противовес» «Страшному миру» — «индивидуализму, демонизму, отчаянию» (V, 327), «любви к гибели» (VIII, 317). Это противопоставление чувствуется с самого момента появления этих двух циклов: уже в «Ночных часах» «родные просторы» и «черный город» — два полюса. Это подчеркнуто и текстом: «Забудь, забудь о страшном мире, // Вздохни небесной глубиной» (III, 258). Стихотворение с этими строками («Дым от костра струею сизой») помещалось во всех редакциях «Родины». Но сам цикл «Родина» и в «Ночных часах» и особенно в «Снежной ночи» не производит целостного впечатления.

Этот цикл начал формироваться еще в сборнике «Земля в снегу», хотя здесь только истоки темы: всего два стихотворения («В густой траве пропадешь с головой» и «Ты отошла, и я в пустыне») войдут в заключительную редакцию. Заглавие этого цикла — он открывает сборник «Земля в снегу» — «Подруга Светлая». Это образ первой любви, ему иногда еще присущи «надмирные» черты Прекрасной Дамы, но здесь уже заметно проявляется и земное начало. Подруга Светлая — душа родных мест, хранительница «тихого дома» — прибежища от жизненных бурь и битв. Правда, уже и здесь рядом со стихами «Милый брат! Завечерело», «Прошли года, но ты все та же», «Так окрыленно, так напевно», циклом «Мэри» (четыре стихотворения) поставлено стихотворение «Русь» с эпитафией из Тютчева («Не поймет и не заметит // Гордый взор иноплеменный, // Что сквозит и тайно светит // В нагоде твоей смиренной»), но все же самостоятельное существование тема обретает только в разделе «На Родине» в «Ночных часах». Здесь этот раздел тоже в достаточной мере эклектичен: с одной стороны — продолжение цикла «Мэри» (три стихотворения), с другой — «На поле Куликовом», «Россия», «Родине» (Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?), «Осенний день», «Романс» (Дым от костра струею сизой), т. е. те стихи, которые пройдут через все редакции раздела и войдут в окончательную.

Раздел «Родина» в «Снежной ночи» составлен из двух предыдущих вариантов («Подруга Светлая» и «На Родине»). Поэт стремится связать их общим заглавием (впервые появляется заглавие «Родина») и самой композицией: цикл как бы делится на две части (хронология внутри раздела не соблюдается). Первая часть (первое стихотворение — «Прошли года, но ты все та же») в основном отражает первую стадию работы над темой: здесь почти все стихи связаны с образом первой возлюбленной, с темой родного дома («Везде — над лесом и над пашней», «Ты так светла, как снег невинный», «Она, как прежде, захотела», цикл «Мэри» из шести стихотворений и др.). Стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе» как бы завершает первую часть раздела. Вторая часть начинается стихотворением «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» и включает стихи, составляющие основу раздела, в то время как из всех стихов «первой части» останутся только два: «В густой траве пропадешь с головой» и «Осенний день».

Цикл явно распадается, достаточно прочной связи между двумя его частями не возникает. Черты Подруги Светлой или тем более Мэри не сливаются с «ликом родины суровой» (II, 263). Новый идеал — Родина — не вполне еще ограничен от старых форм воплощения, идущих от традиций первого тома. Не имеет непосредственной связи с раздумьями о душе Родины, о ее многострадальном пути и стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе» — жемчужина блоковской лирики.

Поэту необходимо противопоставить «страшному миру» все светлые начала жизни — для него любовь к Родине и первая любовь всегда внутренне соединены («Россия, нищая Россия, // Мне избы серые твои, // Твои мне песни ветровые — // Как слезы первые любви!») (III, 254), но не во всех стихотворениях эта связь достаточно ощутима. В дальнейшем предстоит уточнение, кристаллизация темы.

Вероятно, желая скрепить и этот раздел и весь том, поэт в финале помещает «Заключение» (Благославляю все, что было), утверждающее верность избранного пути и перекликающееся со стихотворением «Все это было, было, было» — финалом первой половины тома.

Итак, в 1911—1912 гг. определяется главная линия пути, определяется основное содержание его этапов, намечается проблематика циклов. И в двух последующих редакциях трилогии, которые во многом отличаются от первой, Блок исходит из тех главных структурных принципов, которые были выработаны в первом издании.

2

В 1916 г. выходит второе издание стихотворений: в апреле — первый том, в июне — второй, в июле — третий. За годы, которые отделяют второе издание от первого, почти не появлялись книги Блока, вышли только две книжки для детей и сборник «Стихи о России» (1915), который на $\frac{2}{3}$ состоял из стихов, опубликованных в трилогии. Между том в 1912—1915 гг. Блок много работал, и новое издание давало возможность систематизировать накопившийся за эти годы материал, подвести определенные итоги, еще раз охватить взглядом все пройденное. Угол зрения теперь несколько сместился: Блок периода первой мировой войны, непримиримый к различным «ядам» декадентства, к «узорным финтифлюшкам вокруг пустынной души» (VIII, 440), работающий над поэмой «Соловьиный сад» и пьесой «Роза и Крест», утверждающий волю и чувство долга в качестве главных, определяющих черт облика художника, склонен к более критическому, чем раньше, отношению к своему прошлому, а следовательно, и к более строгому отбору материала. Так, готовя к печати первый том, он делает следующую запись: «Открытие: все почти, половина — шарлатанство, надо переделывать» (ЗК, 256), в то время как в 1911 г. он собрал первый том с максимальной возможной полнотой и в предисловии специально оговорил необходимость включения «полудетских или слабых» стихов (I, 559). И заглавие новой трилогии — не «Собрание стихотворений», а просто — «Стихотворения».

Серьезным сокращениям и упорядочению подвергается прежде всего первый том¹². Здесь впервые появляется то трехчастное деление, которое сохранится и в окончательном варианте («Ante lucem», «Стихи о Прекрасной Даме», «Распутья»). Центральный отдел делится на четыре части, озаглавленные датами и «понятиями» (I, 559): «Видения», «Ворожба», «Колдовство», «Свершения», т. е. чувствуется потребность обозначить, «объективировать» трудно поддающиеся определению душевные движения, воплотившиеся в «Стихах о Прекрасной Даме».

Если в первом томе такие названия — это «объективация» материала, то во втором томе они («Магическое», «Покорность» и др.) звучат слишком субъективно. Здесь ведь иное качество душевной жизни, здесь происходит приобщение к реальному миру, пусть еще часто воспринимаемому в мистическом освещении. И в заголовках циклов нового второго тома подчеркнуто это начало реальности: «Город», «Пузыри земли», «Фаина» — имя «объективированной» героини.

Происходит перераспределение материала: во второй том переходят из третьего стихи, составившие разделы «Снежная маска», «Фаина», «Вольные мысли», которыми теперь второй том завершается (в предыдущем издании он завершался «Ночной фиалкой»).

Теперь во второй том перенесено все, что связано с утратой единого идеала и попыткой заменить его множественностью, разносторонностью жизни. Третий том теперь начинается с выхода в «страшный мир», т. е. с отказа от всех иллюзий: раскрепощающей «природности», «снежных», «метельных» страстей, «мистицизма в повседневности» — и рождения художника, «мужественно глядящего в лицо миру» (VIII, 344), твердо знающего, что он «безмерно больше (...) чем каждый из нас» (VIII, 412).

В работе над трилогией теперь ясно чувствуется стремление поэта максимально уточнить, выкристаллизовать темы томов и циклов. Тема становится определяющим началом в структуре собрания, хронология ей подчинена (хронологическая граница между томами не выражена с достаточной определенностью: во второй том входят стихи 1904—1907 гг., а в третий 1905—1914 гг.). Выделение основной темы приводит к тому, что во втором и третьем томах стихи, не имеющие с ней органической связи, образуют циклы «Разные стихотворения». В первом томе раздел «Разных стихотворений», конечно, немислим, там весь материал сосредоточен вокруг одного центра, подчинен одной теме, одному образу.

Итак, второй том теперь предстает в следующем виде: Вступление, Пузыри земли, Ночная фиалка, Разные стихотворения, Город, Снежная маска, Фаина, Вольные мысли. Структура определена окончательно, она будет повторена и в последней редакции.

Что касается состава стихов, то по сравнению с соответствующими разделами предыдущего издания их количество сокращено. Очень трудно понять логику этих сокращений, предположительно можно объяснить только некоторые изъятия. Так, например, в издании 1916 г. отсутствуют некоторые стихи, продиктованные событиями 1905 г. («Сытые», «Шли на приступ. Прямо в грудь» и др.), и поэма «Ее прибытие», сам раздел «1905» расформирован. Возможно, эти стихотворения показались Блоку слишком связанными с моментом, он отобрал наиболее обобщенные: «Поднимались из тьмы погребов», «Еще прекрасно серое небо», «Митинг» — и включил их в цикл «Город». Здесь они органически соединились с картинками городской жизни, которые пронизаны «знанием о социальном неравенстве». Поэт считал, что оно «одно только делает человека человеком» (ЗК, 406).

Во втором томе издания 1916 г. отсутствует цикл «Заключений» и нет многих стихов, входивших в него («Принявший мир, как звонкий дар», «Я неверную встретил у входа», «Перехожу от казни к казни», «Пойми же, я спутал, я спутал», «В бесконечной дали коридоров», «О, что мне закатный румянец»). Исключена также «Песня Фаины», стихи «Ушла. Но гиацинты ждали», «Я был смущенный и веселый» и другие, связанные с увлечением Н. Н. Волоховой. Возможно, эти стихи показались поэту слишком «личными» и давно пережитыми, в то время как ему необходимо было сосредоточить внимание на выходе из «индивидуального» ко «всеобщему». Этим стремлением пронизана вся работа над лирической трилогией.

Третий том подвергся самой значительной переработке, которая здесь выразилась прежде всего в существенных дополнениях благодаря включению стихов последних лет (на титульном листе третьего тома стоит: «издание второе, переработанное и дополненное», а на втором — только «переработанное»). Структура тома определилась почти окончательно: Страшный мир, Возмездие, Опять на родине (из Г. Гейне), Итальянские стихи, Разные стихотворения, Арфы и скрипки, Кармен, Родина, О чем поет ветер. В основе построения тома — «рассветное» начало, утвержденное в «Снежной ночи» в отличие от «Ночных часов», хотя это нельзя понимать буквально и безоговорочно. После наиболее светлого цикла «Родина» идет новая глава «О чем поет ветер» (1913), состоящая из шести стихотворений, полных грустной примирности, стихотворений-прощаний со всем пережитым. Нельзя не согласиться с Д. Е. Максимовым, который считает, что, «завершая этим сумеречным — с редкими просветами — финалом композицию третьего тома, Блок, по-видимому, стремился к тому, чтобы пропорция света и тени, „личного“ и „общего“ соответствовала его представлению о целом»¹³, т. е. при

выделении главного направления пути поэт хотел избежать прямолинейности, хотел сохранить сложность, объемность, многосторонность своего «я». Еще два цикла, которых не было в «Снежной ночи», — «Опять на родине» и «Кармен» (не считая «Разных стихотворений»; часть из них ранее входила в трехтомник, но большинство включено впервые).

Чем объясняется присутствие в сборнике «Ночные часы» и в третьем томе 1916 г. раздела переводов из Гейне, который в окончательной редакции будет снят? В книге П. Громова «А. Блок, его предшественники и современники» высказывается мысль о том, что этот раздел необходим Блоку потому, что «в стихах Гейне иронические и скептические мотивы изнутри вторгаются в душевную жизнь лирического „я“»¹⁴. Вряд ли дело только в том, что Блоку недоставало «трагического скепсиса», тем более что в стихах Гейне, переведенных Блоком, скептическое и ироническое начало вовсе не является ведущим. Блок помещает двенадцать переводов, и эти стихотворения явственно соотносятся с собственными, блоковскими темами циклов третьего тома. Так, стихи «В этой жизни, слишком темной», «На дальнем горизонте», «Тихая ночь, на улице дрема» и другие ассоциируются с циклом «Возмездие», они и поставлены непосредственно за ним. Блоку, очевидно, понадобилось подкрепить основную тему третьего тома — трагедию человека в «страшном мире» — обращением к поэту, чье творчество стало достоянием мировой культуры.

Опора на образы, воплотившие в общекультурный обиход, — основа цикла «Кармен». (Он был создан в марте 1914 г. и посвящен певице Л. А. Дельмас — исполнительнице партии Кармен.) В редакции 1916 г. в разделе — 8 стихотворений, в окончательной редакции — 10, и эти два стихотворения внесут некоторые коррективы в звучание цикла. Пока, в рассматриваемом нами варианте, Кармен — это героиня Мериме и Бизе, а ее поклонник — Поэт, видящий «творческие сны», они оба живут в мире этих грез и блаженных видений. Этот раздел поставлен после цикла «Арфы и скрипки» и перед «Родиной». С предыдущим разделом он связан общими темами страсти, музыки, некоторые стихи, помещенные в конце «Арф и скрипок», как бы предвосхищают «Кармен»: «Испанке», «Есть времена, есть дни, когда...», «Седое утро», «Натянулись гитарные струны» и др. Что же касается логики перехода к следующему разделу, то она еще недостаточно ощутима: нет еще «Соловьиного сада» — необходимого звена между «Кармен» и «Родиной». Но уже намечена тема выхода из замкнутого мира страсти: «О, да, любовь волна, как птица» — финал «Кармен» в этом издании — прощание с «дивным сном», а «Осенняя воля» (начало «Родины») — слияние с «необъятными далями» и просторами родной страны («Выхожу я в путь, открытый взорам»).

Обращаясь к «старым» циклам и прежде всего к разделу, открывающему том, мы видим, что из «Страшного мира» исключены все стихи, добавленные в 1912 г. к основе — к составу «Ночных часов». Из этой основы тоже оставлено не все — только «Из хрустального тумана», «Демон», «Песнь Ада» и «В ресторане». Двенадцать стихотворений введены в раздел впервые. Прежде всего это стихи, развивающие тему гибели души в «страшном мире», — возникает цикл в цикле — «Пляски смерти» (три стихотворения). Усиливается мысль о трагедии морального опустошения, утраты нравственных критериев, «демонизма» (цикл в цикле — «Черная кровь», пять стихотворений). Утверждаются их вселенские масштабы путем постоянных выходов в область «инфернального» («К Музе» и «Пляски смерти» продолжают и развивают инфернальное начало, заложенное уже в «Ночных часах», — «Демон», «Песнь Ада»). С одной стороны, отчетливее, чем в предыдущих редакциях, вырисовываются космические очертания «страшного мира», с другой — осязателее приметы реальности, современного города с его сенатом, судом, банком, балльным залом («Пляски смерти»), аэродромом («Авиатор»), публичным домом («Унижение»). Для Блока эти аспекты тесно связаны: чем углубленнее восприятие страшной реальности эпохи реакции, тем теснее она будет связываться с образом вселенского ада. Эта ассоциация: современность — ад, населенный мертвецами, выходит на первый план в редакции 1916 г.

Становится особенно насущным вопрос о нравственных критериях («Разве так суждено меж людьми?»), о незыблемых жизненных ценностях, тем более что прежний идеал отошел в далекое прошлое (сняты стихи с «безумными» сожалениями о «прошлых снах» — «Дух яркий марта был в лунном круге», «Идут часы, и дни, и годы»), а человеческая душа непостижима в своей сложности (введено стихотворение «Есть игра: осторожно войти» с характерными строками: «Слишком много есть в каждом из нас//Неизвестных, играющих сил (...) О, тоска! Через тысячу лет//Мы не сможем измерить души...») (Ш, 44).

Н. Н. ВОЛОХОВА

Фотография, 1909—1910 гг. с автографом: «Нат. Волохова, 909—10.»

Частное собрание, Москва

В этом варианте цикл характеризуется напряженно трагической интонацией, нотки грустной примиренности исчезают: стихотворение «На островах» — в разделе «Разные стихотворения», «Усните блаженно, заморские гости, усните», «Я пригвожден к трактирной стойке», «Сегодня ты на тройке звонкой» — в разделе «Арфы и скрипки» (все эти стихи в «Снежной ночи» входили в «Страшный мир»).

Усиливается трагическое звучание и следующего цикла — «Возмездие». Здесь происходят аналогичные изменения: возврат к основе раздела, сложившейся в «Ночных часах», перенос в другие разделы всего, прибавленного в 1912 г., и включение стихотворений, которые отчетливо ведут главную тему: «человек может достигнуть вершины славы <...> но — горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности» (V, 317). В 1916 г. к постоянно присутствующим в разделе стихам («Когда я прозревал впервые», «Когда, вступая в мир огромный», «Ночь как ночь, и улица пустынна», «Я сегодня не помню, что было вчера», «Весенний день прошел без дела», «Ты в комнате один сидишь», «На смерть младенца») прибавлены следующие: «О доблестях, о подвигах, о славе», «Как свершилось, как случилось», «Чем больше хочешь отдохнуть и, наконец, «Шаги командора» — одно из самых значительных стихотворений раздела.

Усиливается «музыка» в «Арфах и скрипках». Раздел увеличивается вдвое, звучат «струны напряженной, как арфа, души» (III, 202), которой коснулась «музыкальная волна, исходящая из мирового оркестра» (VI, 101). Это воспоминания о первой любви, соединенной со светлыми началами природы и музыки, противопоставленные «забвению» и «гибели» («Есть минуты, когда не тревожит», «Смычок запел, и облак душный», цикл «Через двенадцать лет», расширенный в этой редакции, и др.). Постоянные порывы от «бытийственных метаний», «сбивающих с пути», от «тягостных снов бытия» к «несбыточной яви», к «знанию несказанных очертаний» (III, 198) внутренней, подлинной сущности мира — этот «стержень» раздела явственно обозначился в 1916 г.

Увеличивается количество «Итальянских стихов» («Фьезоле», «Сiena», закончен цикл «Флоренция»).

Значительно меняется состав раздела «Родина». Теперь Блок имеет возможность включить более ранние стихи, чем те, которые входили в «Снежную ночь» (хронологические рамки «Снежной ночи» — 1907—1910 гг., а третьего тома 1916 г. — 1905—1914 гг.), и он собирает их определенным образом. «Осенняя воля», «Не мави меня ты, воля», «Белый конь чуть ступает усталой ногой», «Вот он — Христос — в цепях и розах» — все эти стихи датируются 1905 г. Кроме того, в раздел впервые входят более поздние стихи: «Когда в листе, сырой и ржавой», «Задебранные лесом кручи», «Там неба осветленный край», «Ветер стих, и слава зарева» и др. При этом неизменно остаются стихи «На поле Куликовом», «Россия», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?», «Осенний день», «Дым от костра струею сизой». Тема выражена гораздо более отчетливо. Исключены стихи, в которых облик Родины заслонен Подругой Светлой (цикл «Мери», «Везде — над лесом и над пашней», «Ты так светла, как снег невинный», «Она, как прежде, захотела»). Теперь на первом плане — широкий простор, раздолье, ветер, осенняя печаль, прозрачность и распахнутость пространства, тем самым еще более, чем в предыдущих вариантах, подчеркивается контраст с душевным мраком и замкнутостью «страшного мира». Здесь нет места «демонизму», «черной крови», здесь — просветленная «радость-страдание» от сознания своей сопричастности всеобщим началам. Родина, которая продолжает связываться с обликом первой любви, тем не менее окончательно обретает самостоятельное бытие. И теперь над родными просторами Блоку чаще, чем образ Подруги Светлой, видится лик Христа. В стихотворениях «Вот он — Христос — в цепях и розах», «Ты отошла, и я в пустыне», «Когда в листе, сырой и ржавой», «Россия» и других развивается сопоставление Поэт—Христос: «Ко мне плывет в челне Христос, // В глазах — такие же надежды // И то же рубище на нем» (II, 263); «И крест свой бережно несущу» (III, 254); «Ты — родная Галилея // Мне — невоскресшему Христу» (III, 246). Христос здесь — воплощение души народа: «Пока такой же нищий не будешь» (II, 84), «Рубили деды сруб горячий // И пели о своем Христе» (III, 248), — он нищий, бездомный бродяга, скиталец, как бы вобравший в себя всю печаль Родины. Он кроткий, светлый, страдающий, но в то же время — и «сжигающий», карающий («Задебранные лесом кручи»), и в этом плане — предтеча Христа из «Двенадцати». В обоих случаях его обитель — родные поля, из «черного города» он изгнан. В контексте третьего тома 1916 г. «страшный мир» противопоставлен «Родине» и как мир «попиранья заветных святынь» (III, 8), оскорбления божества («Унижение»).

Раздел «Родина» в 1916 г., очевидно, должен воплощать абсолютный идеал, создавая полный контраст «Страшному миру». Знаменательно, что такие стихи, как «Грешить бесстыдно, непробудно», «Петроградское небо мутилось дождем», «Рожденные в года глухие», «На железной дороге», входят в 1916 г. в раздел «Разные стихотворения». Здесь «Страшный мир» не проникает в обетованные, хотя и печальные просторы, он ощущается за их пределами. В последней редакции третьего тома это будет изменено.

Итак, общие тенденции в формировании первого, второго и третьего томов в 1916 г. различны: в одном случае — сокращение стихов и «укрупнение», в другом — «детализация», увеличение количества и объема циклов. Последний этап пути — напряженные и мучительные поиски абсолютных жизненных ценностей в объективном мире и обретение высшего идеала — Родины — теперь представлен более многогранно и подробно.

В значительной мере собрание 1916 г. — итог дореволюционного творчества поэта, следующая проверка пути произойдет уже после решающих событий Октября 1917 г.

Последний раз собрание стихотворений подготавливается Блоком к печати летом 1918 г., т. е. уже в другую — революционную — эпоху. Уже созданы поэмы «Двенадцать» и «Скифы», написана статья «Интеллигенция и революция», и все, сделанное ранее, теперь проверяется не предчувствием революции, а ее свершением. Трилогия пересматривается еще раз, и общее направление этой последней переработки — расширение, во многом возвращение к первой редакции, продиктованное стремлением наиболее полно представить «путь среди революций, верный путь» (VII, 355). «Одно лучше, другое хуже, а третье и вовсе без значения <...> Но какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступна была она): вот — я — до 1917 года» (там же). Поэт не хочет «ведосказанности», «полуясности» (ЗК, 422), он стремится быть до конца понятным: «Мои переделки стихов (главным образом сокращения) были напрасны. Поэтому я восстанавливаю многие выкинутые строфы и строки» (ЗК, 417).

Над подготовкой нового издания трехтомника Блок работает в июне — августе 1918 г., первый том вышел в сентябре 1918 г., второй — в апреле 1919 г. (издательство «Земля»), а третий том появился только в 1921 г., после смерти Блока (издательство «Алконост») ¹⁵.

Первый том в издании 1918 г. повторяет издание 1916 г., но, как известно, Блок был явно неудовлетворен этим и уже в августе 1918 г. задумал новое издание, которое должно было быть построено по принципу «Новой жизни» Данте. «Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками „Стихов о Прекрасной Даме“ простым объяснением событий» (ЗК, 423). Объяснения предполагалось дать в прозе, включая и письма к невесте периода 1902—1903 гг. Этот замысел остался неосуществленным, но Блок все же придал тому характер дневника. В апреле 1920 г. он закончил составление пятой — окончательной — редакции первого тома (вышел уже посмертно). Том значительно расширен — добавлено более семидесяти стихотворений, центральный отдел — «Стихи о Прекрасной Даме» — состоит уже из шести, а не из четырех разделов, сняты их заглавия («Видения», «Ворожба» и др.), вместо них — указание места и дата, как в дневниковых записях.

Второй том тоже существенно увеличился в объеме: были возвращены все стихи, входившие в редакцию 1912 г., и добавлены новые. Установлены хронологические границы между вторым и третьим томами: 1907—1908 гг. — важнейший рубеж в творческом развитии Блока (статьи «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура», драма «Песня судьбы», стихи «На поле Куликовом»). Теперь второй том включает стихи 1904—1908 гг., а третий — 1908—1916 гг., таким образом, все стихи 1905—1907 гг., прежде входившие в третий том, теперь находятся во втором томе. В связи с этим чрезвычайно расширился прежде всего раздел «Разных стихотворений», он стал почти вдвое больше, чем в предыдущем издании. Увеличился в объеме и один из самых значительных разделов — «Город». Сюда вошли все стихи, связанные с 1905 г. (поэма «Ее прибытие» помещена в «Разных стихотворениях»), и вообще все те стихи из «Нечаянной радости» 1912 г., которые были исключены из второго тома в 1916 г. Соответственно в раздел «Фанна» вошел весь цикл «Заключение огнем и мраком» (одиннадцать стихотворений), «Песня Фанны», «Ушла. Но гиацинты ждали», «Всю жизнь ждала. Устала ждать» и др. Интересно, что в том вошли некоторые стихи, прежде вообще не включавшиеся ни в собрания, ни в сборники: «Жду я смерти близ денницы», «Я восходил на все вершины», «Поет, краснея, медь. Над горном», «Твое лицо мне так знакомо», «Есть лучше и хуже меня», «Твоя гроза меня умчала», «Когда я создавал героя» и др. («Разные стихотворения»). Вероятно, поэт считал их «вариантами», но, стремясь в последнем собрании к максимальной полноте, он включил и их.

В связи с этим хотелось бы отметить возросшее значение «Разных стихотворений», особенно во втором томе, менее поддающемся строгой циклизации, чем первый и третий. Здесь как бы собраны воедино разные «страны души» (II, 369) поэта в их временной последовательности (расположение стихов, как почти всегда в последнем издании, хронологическое): и культ Прекрасной Дамы, впрочем, уже на «ущербе» («Фиолетовый запад гнетет», «Я живу в глубоком покое», «Поет, краснея, медь. Над горном» и др.), и прощание с мистическим идеалом, окрашенное автоиронией («Балаганчик», «Поэт»), и революционные предчувствия, облеченные в мистические формы ожидания Нечаянной радости («Ее прибытие»), и преклонение перед Судьбой — очень значимый для цикла и вообще для тома мотив («Потеха! Рокочет труба», «Угар», «Ангел-хранитель», «Усталость» и др.). Здесь же — варианты «Незнакомки» («Я миновал закат багряный») и начало темы «Снежной маски» («Там, в ночной завывающей

стуже», «Шлейф, забрызганный звездами») и раздумья о России («Русь», «Осенняя воля»). Именно в этот раздел Блок включает стихи о пути — «Бред», «Зачатый в ночь, я в ночь рожден», и др. — стихи с определенным итоговым обобщением пройденного.

Таким образом в «Разных стихотворениях» сходятся темы других разделов, это некое синтетическое, объединяющее начало.

Самые значительные изменения произошли в последней редакции третьего тома. Прежде всего необходимо отметить появление нового цикла — «Ямбы», исполненного гражданского пафоса и несущего тему действительного революционного возмездия «страшному миру». Большинство стихотворений этого раздела публиковалось и ранее в периодике, но после революции Блок собрал их в цикл, предпослав ему эпиграф из Ювенала: «Негодование рождает стих». Публикуя «Ямбы» отдельной книжкой в 1919 г., Блок рядом с заглавием поставил «Современные стихи», имея в виду, конечно, не время их создания (их хронология — 1907—1914 гг.), а их звучание. В декабре 1918 г. Блок пишет издателю В. С. Миролюбову: «Если напечатаете их, буду очень рад, так как мне они кажутся одними из лучших моих стихов» (VIII, 517). В томе «Ямбы» поставлены на место переводов из Гейне («Опять на родине»), т. е. непосредственно после «Возмездия». «Ямбы» и «Возмездие» тесно связаны между собой: в сознании Блока сопряжены «внутреннее» и «внешнее» возмездие, духовное опустошение человека, изменившего идеалу юности, и неизбежная гибель «страшного мира», поправшего все законы нравственности и человечности. «Юность — это возмездие», — Блок неоднократно приводил эту цитату из Ибсена (V, 317; III, 295), а в одном из писем он говорил о том, что «революция русская <...> — юность с нимбом вокруг лица» (VIII, 277). Объединить эти мысли о возмездии должна была одноименная поэма, от которой в ходе работы «отпочковались» многие стихи, вошедшие в «Ямбы». И естественно, что некоторые стихи перемещаются из «Возмездия», в «Ямбы»: «Я — Гамлет. Холодеет кровь», «Не спят, не помнят, не торгуют».

К этому циклу о неизбежности гибели «сытых», о грядущем торжестве народной России, о «правом гнев» художника, отвергающего «красивые уюты», тянутся нити из многих разделов тома. «Ямбы» по-новому освещают весь том, здесь особенно ярко проявляется устремленность поэта в будущее, которое в 1918 г., когда он работал над томом, начинало осуществляться: «Что же задумано? *Переделать все*. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью», — писал он в знаменитой статье «Интеллигенция и революция» (VI, 12). Очертания этого будущего он провидел за «непроглядным ужасом» предреволюционного бытия («пора цветенья началась» — III, 88). И само это бытие теперь воплощено с максимальной силой отрицания. «Страшный мир» в свете рещающих исторических событий отчетливо осмысливается как последний, кризисный, катастрофический этап старой жизни, непосредственно подготавливающий возмездие: чем чернее мрак «страшных лет России» (III, 278), чем мучительнее мытарства одинокой души, тем закономернее и неизбежнее очищающий «революционный циклон» (VI, 18).

Душевное опустошение, ощущение обреченности и бесцельности существования, холод одиночества, тоска по идеалу — весь этот комплекс переживаний приобретает особую остроту в последней редакции «Страшного мира». Раздел увеличивается втрое по сравнению с 1916 г. Сюда стягиваются стихи о «живом мертвце»: «Поздней осенью из гавани», «Я коротаю жизнь мою», «Как тяжело ходить среди людей», «Как растет тревога к ночи!». (В издании 1916 г. эти стихи помещались в «Возмездии» и в разделе «Разные стихотворения».) Включен новый цикл — «Жизнь моего приятеля», закончены циклы «Черная кровь» и «Пляски смерти». «Роковая о гибели весть» (III, 7) теперь становится доминирующей, организующей звучание раздела. Появляются стихи космического масштаба, почти отвлеченные от конкретности: «Миры летят. Года летят. Пустая...», «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки», «Демон (Иди, иди за мной, покорной)», «Голос из хора» и др. Здесь человек прямо поставлен перед Роком, «пред Гением Судьбы» (III, 42), с которым он находится в вечном поединке. Его метания между «землей» и «небом», его опустошение — всеобщий закон («ваш удел на все похож» — III, 48). Жизнь символизируется в образе бесцельного полета в зияющей пустоте среди «вихря планет» и «эфирной пыли». Объективных закономерностей не существует («Не сходим ли с ума мы в смене пестрой//Придуманных причин, пространств, времен...» (III, 41). Апокалипсические предсказания гибели звучат в стихотворении «Голос из хора». Мысль о всеобщей виновности («Лжи и коварству меры нет», III, 62) приходит здесь к своему завершению, законы «страшного мира» оказываются вселенскими. Неоднократно уже отмечалось, что для Блока

это вовсе не означает примирения со «страшным миром», что кризисное стихотворение «Голос из хора» — необходимый шаг в его стремлении к будущему. Об этом говорил сам поэт: «Лучше бы было этим словам оставаться не сказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть. А за ним будет ясный день» (III, 515). Результат преодоления — «стремление жить удесятеренной жизнью» (VI, 367), с этого начинаются «Ямбы»: «О я хочу безумно жить» (III, 85).

И как всегда у Блока, рядом с «космосом», с «инферральностью» — обилие реалий: например, в «Жизни моего приятеля», с одной стороны: «Дворовый щенок голосил, // В воротах старуха стояла, // И дворник на чай попросил», с другой — «Говорят черти», «Говорит смерть» (III, 49, 52, 53). Рядом со «всеобщей греховностью» — четкое социальное разграничение: «Вновь богатый зол и рад, // Вновь унижен бедный» (III, 39) — это стихотворение из «Плясок смерти» было включено только в последнюю редакцию. Рядом с «концом мира» — предсказание революционного возмездия, особенно отчетливое в стихах, появившихся в окончательной редакции, так, например, в «Страшный мир» из «Возмездия» перенесено стихотворение «Как растет тревога к ночи!». Герой цикла становится более «объективированным», откуда такое обилие двойников. К Двойнику, герою одноименного стихотворения, и стареющему Юноше из «Песни Ада» в последней редакции прибавляется Матрос («Поздней осенью из гавани»), Соблазнитель («Повеселясь на буйном пире»), Мертвец («Пляски смерти»), Джентльмен «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный», Приятель («Жизнь моего приятеля»), еще один Демон («Иди, иди за мной, покорной»). «Двойничество» становится одним из ведущих принципов поэтики «Страшного мира»¹⁶.

Таким образом, в ходе развития цикла поэт все явственнее выступает летописцем и судьей «Страшного мира», циклы в цикле — «Пляски смерти», «Черная кровь», «Жизнь моего приятеля» (они датируются 1912—1915 гг.) — являются синтезом лирических стихотворений, поднимающим на новую ступень сложную проблематику «Страшного мира».

В последней редакции более наглядной становится связь между разделами: в «Страшном мире» помещено стихотворение «Под шум и звон однообразный», в котором заявлена тема родины («Чтобы распутица ночная // От родины не увела» — III, 9), а также два варианта к «Шагам командора» («Возмездие») — «С мирным счастьем покончены счеты», «Седые сумерки легли», в «Ямбах» — прямая отсылка к «Страшному миру»: «Забудь, забудь о страшном мире» (III, 92); эта же строка повторяется в стихотворении «Дым от костра струею сизой» («Родина»). Но дело не только в этих цитатных переключках, — укрепляется внутренняя связь между главами, яснее становится их соотносительность.

Раздел «Родина» уже не является полным контрастом «Страшному миру». В 1918 г. Блок впервые ввел в раздел такие стихотворения, как «Рожденные в года глухие», «Новая Америка», «Коршун», «На железной дороге», «Грешить бесстыдно, непробудно», «Дикий ветер» и др. Впервые в цикле появляется зарисовка быта «толстошного мешающего» с его мертвящей силой накопительства, собственничества: «И под лампадой у иконы // Пить чай, отщелкивая счет, // Потом переслунить купоны, // Пузатый отворив комод...» (III, 274). Это — тоже Россия, эти стихи соотносятся с картинами интеллигентского быта в «Страшном мире», тоже сатирически окрашенными («Жизнь моего приятеля»). Возникает картина проводов на войну эшелона обреченных («Петроградское небо мutilось дождем»), обреченным же оказывается целое поколение русской интеллигенции («Рожденные в года глухие»). «Тоска дорожная, железная» губит человека, стремившегося к полноте жизни, мечтавшего о счастье. Стихотворение «На железной дороге» в предыдущей редакции входило в «Страшный мир», уже одно его перемещение показывает, что теперь нет непроходимой грани между «Страшным миром» и «Родиной».

Забывать о «страшном мире» невозможно: «Мы — дети страшных лет России — // Забыть не в силах ничего» (III, 278); в «Ямбах»: «Нет, не забуду никогда!» (III, 92).

Все отчетливее звучат ноты активно-действенного, а не пассивно-созерцательного отношения к Родине, и представление о ее будущем соединяется с мыслями о борьбе, об освобождении. Финал цикла — «Коршун», и здесь возникают прямые ассоциации с «Ямбами».

Итак, в последнем варианте лирической трилогии «Страшный мир», «Возмездие», «Родина» и «Ямбы» взаимно дополняют друг друга: исповедь души связывается с национальными судьбами России («испепеляющие годы» III, 278) и с грядущим историческим возмездием, которое несет «униженный народ» (III, 88) — «Пока великая гроза // Все не смела в твоей отчизне...» (III, 93).

В окончательной редакции тома неприятие Блоком «страшного мира» проникает во все разделы.

Так, например, «Итальянские стихи», наиболее «автономные», в законченном виде яснее обнаруживают мысль о мертвенности современной цивилизации: в цикл возвращается стихотворение «Умри, Флоренция, Иуда», с открытой инвективой против европейской буржуазной бездуховности: «Весь груз тоски многоэтажной — // Сгинь в очистительных веках!» (III, 107).

В «Арфы и скрипки» опять включается стихотворение «В неуверенном зыбком полете» (в 1916 г. помещалось в «Разных стихотворениях»), перекликающееся с «Авиатором» («Страшный мир»), вводятся стихи о гибельном роке, одиночестве, разобщенности людей в современной жизни — «Сегодня ты на тройке звонкой», «Когда-то гордый и надменный», «Ты жил один», «Он занесен, сей жезл железный» и др.

В цикле «Кармен» появляются два стихотворения («Сердитый взор бесцветных глаз», «Нет, никогда моей и ты ничей не будешь»), которые сразу переносят героев в сегодняшнюю реальность. И здесь «март наносит мокрый снег» (III, 234), а на всем облике героини «страшная печать отверженности женской» (III, 239).

И, наконец, несколько слов о разделе «Разные стихотворения». Он поставлен в центре тома, по объему он меньше, чем одноименный раздел во втором томе, и он более «самостоятелен». Это и понятно: в третьем томе нет такой «многострунности», он не нуждается в разделе, укрепляющем тематические связи между циклами. Тем не менее «Разные стихотворения» и в третьем томе тоже являются в известной мере объединяющим, обобщающим разделом. Здесь есть стихи действительно «разные» по своим внешним признакам: это как бы разрозненные впечатления, воспоминания («Антверпен», «Ты помнишь, в нашей бухте сонной», «Сон») или «Послания». А рядом с ними — «Все это было, было, было», «Благословляю все, что было», «И вновь — порывы юных лет», «О нет! Не расколдуешь сердца ты», «Перед судом», «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух», — т. е. подведение итогов пройденного пути, размышления о его закономерностях, о потерях и приобретениях, о душевной зрелости, купленной ценой трагических утрат. Большая часть перечисленных стихотворений появилась в цикле в последней редакции. Таким образом, «Разные стихотворения» тоже имеют свою определенную направленность, несут обобщающую мысль, необходимую в общем звучании тома.

По мере формирования лирической трилогии все яснее обнаруживается логика сцеплений разделов и томов.

В предисловии к поэме «Возмездие» в 1919 г. Блок говорил о «жизни чертежа» поэмы: «самый маленький круг, съездившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирает и раздвигает окружающую среду и; в свою очередь, действовать на периферию» (III, 297). В определенном смысле это может быть отнесено и к трилогии: каждый цикл развивался «изнутри», прорастая из «основного зерна» (у большинства циклов оно сложилось в 1912 г., хотя последующие редакции вносят значительные изменения), уточняя и развивая свою тему, все теснее связываясь с другими циклами, перекрещиваясь с ними, влияя на них. Каждый раздел несет свою мелодию, в совокупности же создается уникальное симфоническое звучание блоковской лирики.

При исследовании послеоктябрьского творчества Блока необходимо наряду с его этапными произведениями, созданными после Октября, — поэмой «Двенадцать», «Скифами», публицистическими статьями — учитывать и важнейшую работу над завершением лирической трилогии. Эта работа — тоже осуществление призыва: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» (VI, 20). Трагическая картина сложнейшей жизни высокого человеческого духа получает итоговое разрешение. В создании окончательной редакции трилогии, как и в послеоктябрьских произведениях, воплощен новый этап мировоззрения художника, открывшего своим творчеством первую страницу советской поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников». М., 1980, т. 2, с. 461.

² Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 118.

³ Д. Максимова. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока. — В кн.: «Поэзия и проза Ал. Блока». Л., 1975.

⁴ Наст. том, кн. 3, с. 427.

⁵ О специфике блоковского цикла см.: В. А. Сапогов. Поэтика лирического цикла А. Блока. Автореферат. канд. дисс. МГПИ им. В. И. Ленина, 1967.

⁶ П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., 1966; Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока; Л. Гинзбург. О лирике. Л., «Сов. писатель», 1974.

⁷ В. Орлов. Литературное наследство Александра Блока.— В кн.: ЛН, т. 27—28; Е. И. Яцунюк. Из истории прижизненных изданий А. А. Блока.— В сб.: «Книга. Исследования и материалы». М., 1980.

⁸ «Блоковский сб.», 2, с. 389.

⁹ Там же, с. 393.

¹⁰ П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники, с. 421—428.

¹¹ Подробно об этом см. в моей статье «История формирования цикла „Страшный мир“». — В кн.: «В мире Блока». М., 1980.

¹² Подробнее об этом см. в статье В. Орлова. «Литературное наследство Александра Блока».

¹³ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока, с. 134.

¹⁴ П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники, с. 426.

¹⁵ См. об этом подробнее в ст. И. А. Чернова «А. Блок и книгоиздательство „Алконост“». — «Блоковский сб.», 1.

¹⁶ См. об этом: Д. Максимов. Об одном стихотворении («Двойник»). — В кн.: Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока.